

УДК 165:316.7

**ПРИНЯТИЕ ЗНАНИЯ В СТРУКТУРАХ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Голубинская А.В.

Целью статьи является анализ вопроса о том, могут ли познавательные акты составлять повседневные действия субъекта современного информационного общества. Описываются основные детали механизма познания в условиях обыденности информационного общества, формулируются вопросы для возможных дальнейших разработок проблемного поля. В статье приводятся результаты анализа одной из таких разработок, которая следует из сопоставления научной и повседневной рациональности и анализа способов их взаимодействия в условиях современного общества.

Ключевые слова: принятие знания, повседневное познание, повседневная рациональность, обыденное познание, обыденная рациональность, нерациональное познание, незнание, агнотология, информационное общество.

**THE ADOPTION OF KNOWLEDGE IN THE STRUCTURES
OF EVERYDAY LIFE OF THE INFORMATION SOCIETY**

Golubinskaya A.V.

The purpose of this paper is to analyse the idea that if cognitive acts can compose everyday life of a person in the information society. The author describes the main details of the mechanism of knowledge in the conditions of the information society routine and formulates questions for further development of the problem field. One of possible directions, the results of which are presented in this paper, flows from the comparison of scientific and everyday rationality and analysis of ways of their interaction in modern society.

Keywords: acceptance of knowledge, everyday knowledge, everyday rationality, ordinary knowledge, ordinary rationality, irrational knowledge, ignorance, agnotology, information society.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00061.

Определение предметного поля повседневности – предмет отдельных фундаментальных исследований. Некоторые из возможных обобщений, предложенных И.Т. Касавиным и С.П. Щавелёвым в «Анализе повседневности», связывают повседневность с усредненным общественным мнением и набором наиболее распространённых мыслительных установок по поводу положения дел в окружающей действительности, а также с соответствующими поведенческими реакциями [4, с. 262]. То, что может быть отнесено к обыденной жизни, находит примеры в повседневных заботах, устойчиво воспроизводящихся изо дня в день, и во всём том, что воспринимается как вечное, привычное, частное, предсказуемое.

Действия, составляющие повседневные практики, в качестве основы имеют особый тип знания, который в философии называется обыденным и противопоставляется знанию научному. Однако, несмотря на такое противопоставление, методология их изучения имеет точки соприкосновения. Так, например, ранее уже осуществлена практика рассмотрения структуры обыденной познавательной деятельности по аналогии с моделью структуры научного познания В.С. Стёпина [3]. Впрочем, отличий между ними больше, чем сходств. Проблема источника повседневного знания, механизмов его формирования, редко заходит дальше перечисления агентов социализации и каналов, транслирующих образцы познавательной деятельности. Поиск исследований обоснования обыденного знания и критериев его принятия в таком качестве ещё более затруднён: не вполне ясно даже то, какая дисциплина должна заниматься этим вопросом.

Может ли вообще познавательная деятельность происходить в тех условиях, которыми описывается обыденная жизнь? Пожалуй, в информационном обществе это вполне возможно. Поскольку процесс принятия знания перестал быть исключительно формализованным, то есть утратил

хронологические и топологические атрибуты (вроде «узнать о строении клетки можно у профессора Петрова с 9 до 10 в университетской аудитории») и познавательная активность стала доступна всегда и везде, то и мир обыденности стал открытым и для такого анализа. И в этом смысле любая познавательная деятельность становится одним из «естественных событий жизни» [2, с. 41]. Описывая такой тип событий, Г. Гарфинкель подчёркивал их узнаваемость: в чём бы они не проявлялись, они служат точками возврата из «нереальных миров», например, из игры или из театрального представления [2, с. 42]. Возвращаясь к таким событиям, мы возвращаемся к жизни, самой собой разумеющейся, привычной, обычной, во всех смыслах нормальной.

Вполне реалистичной выглядит следующая картина: современный человек, допустим, некто М., возвращается домой после работы и открывает один из сайтов, на котором новости чередуются с авторскими заметками и научно-популярными статьями. Ситуация М. однозначно познавательная. Если пользоваться упомянутой моделью [3], то имеется и субъект М., и объект/результат познания, и психосоматическая активность органов чувств, и социотехническое средство. Если в этот момент кто-то задаёт М. вопрос, чем он занимается, то получает ответ «ничем», что значит, что ничего необычного и особенного в описываемых событиях М. не наблюдает. Это вполне отражает то, как обыденная жизнь с её устойчивой обстановкой, рутинными практиками и фоновыми событиями ощущается субъектом, и то, как представляется отправная точка бытия, к которой субъект описанным ранее образом возвращается. Если реалистичность данного примера не вызовет возмущений, то механизмы познания в условиях обыденности информационного общества, пожалуй, могут выступать предметом социально-философского интереса.

Однако, обыденность – это арена нерациональных действий, если исходить из традиционного понятия рациональности. Этнометодологический подход предлагает установки, согласно которым вместо рациональности в обыденной жизни применяются этнометоды, то есть наборы фоновых норм, правил и ожидаемых последствий. Этнометод – это не «то, что» выражает

систему обыденных знаний, а «то, как» эти представления обретают статус знания в повседневном сознании. В действительности, было бы совершенно нелепо искать следы процедуры научной аргументации в том, как формируется капитал повседневных знаний человека об устройстве окружающего мира и о своём месте в нём. С этой точки зрения, этнометод выступает чем-то похожим на эпистемическое обоснование в исследованиях ненаучного познания. Здесь два ранее обнаруженных пробела, – механизмы формирования повседневного знания и процедуры обоснования обыденного знания, – сливаются в общую исследовательскую категорию этнометода познания. Однако, в этом случае обнаруживается занятный парадокс: обыденное познание выступает как форма нерациональной деятельности. Но может ли познание быть нерациональным?

Кажется допустимым сказать, что «нерациональное познание» должно представлять собой познание, неподдающееся рациональному объяснению. Первое из кажущихся решений связано с тем, что познавательная деятельность как повседневная практика ориентирована на представления, которые не поддаются рациональному анализу и процедурам обоснования: предрассудки, стереотипы, популярные заблуждения, мифы. Второе решение имеет более психологический характер и связано с эмоциональной оценкой информации. В первом случае примером является конформное принятие знания: в теократическом или любом идеологическом государстве «нерациональное познание» становится одним из основных механизмов просвещения. Примерами второго случая могут являться познавательные ситуации, связанные с социально-поощряемыми фактами, скажем, быть потомком известного человека. Подразумевается, что иногда в условиях повседневного познания нам хочется, чтобы что-то было правдой, независимо от того, есть ли для этого основания.

Современный мир устроен таким образом, что знания, требующие базы и личного опыта, доступны всем и всегда. Совершенно необязательно быть экспертом, чтобы рассуждать о чёрных дырах и антиматерии, финансовых кризисах и мировой политике, истинных причинах событий и сущности вещей.

Здесь подразумеваются именно повседневные неэкспертные беседы, которые, вероятно, ещё больше ведут к заблуждению и неведению, но гораздо быстрее преумножаются и распространяются. Сегодня об этом говорят как о вирусных знаниях и вирусных теориях: «как вирусные частицы могут переноситься на одежде, предметах или по воздуху, не становясь при этом болезнью, так же и слова могут переноситься записями или звуком (вибрациями воздуха) и при этом не приводить к знанию. В то же время, встретившись с подходящим носителем, язык-вирус вызовет в нём изменения, причем, вполне материальные: новое знание изменяет мозг носителя (появляются новые связи между нейронами, старые могут переструктурироваться), личность и поведение» [1, с. 90]. Аналогия, стоит отметить, очень удачная: познавательная деятельность всё отчётливее обретает инфекционный характер, и в некоторых случаях легко заметить наличие иммунитета к таким вирусам. Однако, что бы не говорили в науке и философии, сама информационная среда уже выработала необходимый и в меру ироничный термин: современный субъект – это «диванный эксперт», который транслирует определённые взгляды, не имея реального опыта [5, с. 30]. Можно ли сказать, что суть «диванного эксперта» в повседневном нерациональном познании аналогична сути эксперта в познании научном? Точнее сказать, главным вопросом здесь должен быть вопрос о том, может ли вообще повседневное познание быть рациональным, как научное, и где проходит грань между ими обоими. Пересмотреть ответ на этот вопрос необходимо, но не с целью защитить «диванных экспертов», а чтобы разобраться в реальных механизмах принятия и трансляции знания в информационном обществе современного типа.

Чем глубже эксперт погружается в теоретические структуры мироздания, тем дальше он оказывается от обычного человека. Их взаимодействие поверхностно, поскольку попросту невозможно на экспертном уровне. Риторика, которую мы привыкли различать, терпит крах, и в структурах повседневности репрезентации и методы трансляции знания запускают совершенно иные механизмы. Что касается риторики, то механизм этого сдвига

вполне понятен – с ростом популяризации науки и давления безусловной ценности (любого) знания, стал расти и повседневный интерес к передовым исследованиям и их результатам, в том числе предварительным. Возьмём, например, диалог в комментариях с портала новостей космоса «Astronews»:

Пользователь 1: Вообще то по типу и классификации галактик можно определить на каком этапе идет стадия образования одной единственной новой Звезды <...>.

Пользователь 2: Вы заметили, что народ практически перестал реагировать на Ваш контурный бред?

Пользователь 1: Мой бред всё же имеет хоть какую логику! Реагировать или нет, ваше дело, у каждого своя истина!

Утверждение «У каждого своя истина» настолько не приемлемо для науки, что ставит вопрос о том, не ведёт ли высоко информированное общество к появлению научно-популярных сект. Однако, в условиях нерационального повседневного познания мы обретаем именно такого «кентавра».

Создаётся впечатление, что сегодня неведение является непростительным, быть незнающим – это новая социальная стигма. Всё большая доступность знания буквально обязывают человека к синдрому вечного студента. Становится проще найти того, кто уверенно расскажет про зеркальные нейроны, в которых не до конца разобрались сами учёные, чем про биологическое окисление из школьного курса. И если это можно считать естественной реакцией субъекта повседневного познания на «обязанность знать всё», порождаемую возможностью доступа к информации, то можно сформулировать окончательный (риторический) вопрос: как при этих условиях «разобраться в мнениях экспертов» может отличаться от «знать»?

Учитывая вышеизложенное, рассмотрим следующий тезис: в повседневной жизни социально значимо не только знание, но и незнание или неведение как отдельная категория общественного бытия.

Очевидно, что знания, включённые в повседневное сознание субъекта информационного общества, не исчерпываются одним только практическим

смыслом: нам необходимо знать, как передвигаться и питаться, чтобы совладать с действительностью, но ещё и знать много того, что не имеет никакого отношения к рутинным действиям, чтобы совладать с окружающим обществом. Институты трансляции научного знания, например школа, приучают человека к определённой программе: в двенадцать лет социальный субъект узнаёт формы рельефа дна Мирового океана, а в четырнадцать – этапы промышленного переворота в Англии и убеждения луддитов. Можно предположить, что современный человек несёт определённую ответственность за то, что он знает, а точнее за то, чего он не знает, хотя «мог бы и должен бы» знать согласно своему возрасту, статусу и умозрительному (но не практическому) опыту.

Отрасль знания, в рамках которой эти дискуссии могут вестись, пока что не сформирована, но кажется крайне необходима. На общей грани социальной философии и этики необходимо пересмотреть категорию неведения и её социальные механизмы: например, неведение осознанное и неосознаваемое, неведение как естественная реакция человеческого сознания на работу с непосильно объёмными данными в критически сжатые сроки; неведение как маркер реальной и референтной групповой идентичности; неведение как проказа XXI века. Базой для такой отрасли, стоит предположить, должна послужить теория сконструированного неведения, или же агнотология [см.: 6; 7].

Говоря о процессе принятия знания субъектом информационного общества с этой точки зрения, можно подчеркнуть, что идеология общества знаний, продвигаемая сегодня, ведёт человека не к признанию исключительности достижений современной науки и техники, а, напротив, к осознанию их перманентной нехватки, следовательно, и своей интеллектуальной «неполноценности». Руководствуясь подобными соображениями, цель добросовестного преумножения знаний уступает цели хаотичного преумножения получаемой информации, то есть качественное подменяется количественным, а достоверность – оригинальностью. Такое

заклучение может найти подтверждение в актуальных проблемах «нерационального познания», например, в процветании лженаучных и попросту абсурдных концепций (плоская земля, энергетическая медицина), и более точное изучение этих социальных явлений кажется полезным продолжением описанного подхода.

Список литературы:

1. Белоногов И.Н. Когнитивно-вирусологический подход к анализу способов распространения научного знания: дис. ... канд. филос. наук: спец. 09.00.08 – философия науки и техники. М., 2019. 204 с.
2. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. №. 1. С. 41-69.
3. Дождикова Р.Н. Обыденное познание: структура и пути формирования // Социология: научно-теоретический журнал / Белорусский государственный университет. 2016. № 2. С. 34-44.
4. Касавин И.Т., Щавелев С.П. Анализ повседневности. М.: Канон, 2004. 432 с.
5. Шарафутдинова О.И. Особенности трансляции политических смыслов в современном медиатизированном обществе // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2016. № 4 (21). С. 30-35.
6. Proctor R.N. Agnotology: A missing term to describe the cultural production of ignorance (and its study) / Agnotology: the making and unmaking of ignorance. Stanford: Stanford University Press, 2008. P. 1-34.
7. Innerarity D. The democracy of knowledge. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 207 p.

Сведения об авторе:

Голубинская Анастасия Валерьевна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института открытого образования Национального

исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

Data about the author:

Golubinskaya Anastasia Valerievna – Candidate of Philosophical Sciences, Researcher of Open Education Institute, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia).

E-mail: golub@ioo.unn.ru.